

STUDIA EUROPAEA

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
И ИЗДАТЕЛЬСТВА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”

Словарь

ОСНОВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

ТОМ

1

Новое
Литературное
Обозрение

2016

УДК 93(038)
ББК 63я21
С48

Редакторы проекта STUDIA EUROPAEA
Д. Сдвижков, И. Ширле
(Германский исторический институт в Москве)

- С48 **Словарь основных исторических понятий:** Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / Пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 736 с. (Серия STUDIA EUROPAEA)

ISBN 978-5-4448-0550-3 — т. 1

ISBN 978-5-4448-0552-7

Вышедшее в 1972—1997 годах фундаментальное восьмитомное издание Основные исторические понятия. Исторический словарь общественно-политического языка в Германии сегодня общепризнанно считается классическим трудом, положившим начало новому направлению в историографии — истории понятий. В настоящем двухтомнике представлен перевод «введения» и девяти статей Словаря: «бюргер, гражданин, бюргерство / буржуазия», «история», «общество, гражданское», «общество, общность», «публичность / гласность / публичная сфера / общественность», «современный, современность», «политика», «революция», «народ, нация, национализм, масса». Сборник продолжает совместный проект *Studia europaea* Германского исторического института в Москве и издательского дома «Новое литературное обозрение».

УДК 93(038)

ББК 63я21

Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.) Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972—1997. Bd. 1—8.
© Klett-Cotta — J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart, 1972—1992.
Перевод статей печатается с согласия издательства «Klett-Cotta», Штутгарт.
© К. Левинсон, пер. с немецкого, 2014
© ООО «Новое литературное обозрение». 2014; 2016

Юрий Зарецкий,
Кирилл Левинсон,
Ингрид Ширле

Предисловие

Это издание — итог работы над проектом Германского исторического института в Москве, осуществлявшегося при поддержке фонда «Фольксваген» в рамках программы «Deutsch plus — наука многоязычна / Knowledge is multilingual». Цель его состояла в подготовке перевода на русский язык избранных статей из выдающего труда немецких ученых *Основные исторические понятия. Исторический словарь общественно-политического языка в Германии*¹, который обеспечил мировое признание его редакторам и авторам и в настоящее время считается классическим. На протяжении уже нескольких десятилетий *Словарь* служит стимулом, отправной точкой и неоценимым подспорьем для исследований по истории понятий и исторической семантике в мировой науке. Сегодня без него невозможно представить не только историю понятий как одно из быстро развивающихся направлений современной историографии, но и те перемены, которые в наши дни происходят в истории и в социально-гуманитарном знании в целом.

---

¹ Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1972–1997. Bd. 1–8.

Основные исторические понятия («*Grundbegriffe*»)

Ингрид Ширле

Концепция исследования. Замысел «Исторического словаря общественно-политического языка» принадлежал одному из крупнейших историков XX века, профессору Билефельдского университета Райнхарту Козеллеку (1923–2006). По-видимому, он сложился к середине 1960-х годов — во всяком случае, в 1967 году Козеллеком уже были сформулированы около десятка вопросов, которыми следовало руководствоваться при отборе статей для включения в будущий *Словарь*². Позднее концепцию задуманного исследования он подробно разъяснил во введении к вышедшему в 1972 году первому тому *Основных исторических понятий*³ и продолжал развивать ее в последующие годы⁴. Эта концепция строилась на трех главных предпосылках: 1) понятия являются индикаторами и движущими силами происходящих в обществе исторических процессов; 2) в европейской истории существует рубеж, «переломное время» (примерно между 1750 и 1850 годами), когда сформировались те социально-политические термины, которыми мы сегодня пользуемся; 3) этот терминологический аппарат, рожденный новыми социально-историческими реалиями, обладает специфическими особенностями.

Конечная цель работы виделась Козеллеку в том, чтобы продемонстрировать сложные семантические связи понятий, используемых социальными историками, и особенно — изменения их смыслов во времени⁵. Эти изменения предлагалось подробно проследить примерно с 1700 года до 1970-х годов⁶, однако в некоторых случаях

² См.: Tribe K. Translator's Introduction // *Futures Past*. Cambridge, 1985. P. XII.

³ См. статью *Введение* в настоящем сборнике.

⁴ Ср. переводы введения к словарю и других произведений Р. Козеллека на английский язык: Introduction and Prefaces to the *Geschichtliche Grundbegriffe* // *Contributions to the History of Concepts*. 2011. Vol. 6. P. 1–37; *Dipper Ch.* Die «Geschichtlichen Grundbegriffe». Von der Begriffsgeschichte zur Theorie historischer Zeiten // *Historische Zeitschrift*. 2000. Bd. 270. S. 281–305.

⁵ См. подробнее: Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. Предисловие // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / Ред. А. И. Миллер, Д. А. Сдвижков, И. Ширле. М., 2012. Т. 1. С. 5–46.

⁶ В итоге, впрочем, вышло так, что лишь немногие статьи выходят за рубеж XIX–XX веков — например, статья *Народ, нация*, анализирующая использование понятий и во времена национал-социализма, и в ФРГ и ГДР — вплоть до 1990-х годов.

допускалось, что анализ следует начинать с античной (или средневековой) «предыстории». Результатом многолетнего исследования стала публикация восьми томов общим объемом около 9000 страниц, которые включали 122 статьи и подробный указатель. В масштабном проекте, осуществлявшемся по поручению основанной Вернером Конце гейдельбергской «Рабочей группы по современной социальной истории», участвовало более ста ученых, которые не только тщательно проанализировали основные социально-политические понятия немецкоязычного ареала, но и создали высокий стандарт их историографического и лексикографического описания. Еще до выхода в свет последнего тома *Словаря* многим стало очевидно, что его появление — это знаковое событие в историографии XX века. Восьмитомник был опубликован под именами трех редакторов: Отто Брюнера, Райнхарта Козеллека и Вернера Конце. Однако, безусловно, эту работу нужно в первую очередь рассматривать как *tagnum opus* одного человека — и именно так ее чаще всего и называют: «Словарь исторических понятий» Козеллека.

Статьи *Словаря* расположены в алфавитном порядке. С точки зрения хронологии его концепция сосредоточена на так называемом «времени водораздела», или «переломном», «пороговом времени», которое в немецкоязычном ареале (а по мнению некоторых исследователей, и в европейском в целом) приходится на период с 1750 по 1850 год. Именно в это время под влиянием идей Просвещения и Великой французской революции начинают происходить ускоренные изменения в значениях понятий⁷, и именно в это время создается современная общественно-политическая лексика. «Время водораздела» выступает в *Словаре* как своего рода «двуликий Янус»: одно лицо этого Януса обращено в прошлое, и смыслы понятий, относящиеся к этому прошлому, нам не ясны без специальных комментариев; второе его лицо обращено в будущее, к нам, и потому их смыслы нами вполне отчетливо осознаются. Важно добавить, что основанный на этой концепции анализ материала не ограничивается только немецкоязычным ареалом:

⁷ О других «эпохах водораздела» в европейской истории см.: Leonhard J. Grundbegriffe und Sattelzeiten — Languages and Discourses. Europäische und anglo-amerikanische Deutungen des Verhältnisses von Sprache und Geschichte // Habermas R., Mallinckrodt R. (Hrsg.) Interkultureller Transfer und nationaler Eigensinn: Europäische und anglo-amerikanische Positionen der Kulturwissenschaft. Göttingen, 2004. S. 71–86; о проблеме «эпохи водораздела» см. также: Коносов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. научных работ. СПб., 2006. С. 9–32.

в некоторых случаях помимо немецких в словаре рассматриваются также понятия и взаимодействия между ними из других языковых ареалов Нового времени (преимущественно английского и французского), а также древнегреческого и латинского. Тем самым исследование выходит за конкретные языковые и национальные рамки, изображая динамику функционирования основных исторических понятий в общеевропейском пространстве. К основным же Козеллек относит «понятия, имевшие важнейшее значение в ходе того исторического процесса, который составляет предмет исследования историков»⁸. Другими словами, это те понятия, без которых не может обойтись ни одно общество⁹.

При отборе статей для *Словаря* составители отталкивались от сегодняшнего языка, а не от языка источников того или иного периода. В основу этого отбора легли четыре характеристики, определившие соответственно четыре категории понятий: 1) базовые, связанные с универсальными структурами и событийными комплексами (например, «народ», «нация»); 2) ключевые, необходимые для описания политической и социальной организации (например, «гражданин»); 3) упорядочивающие и классифицирующие (например, «сословие»); 4) важнейшие понятия политических движений и слова-лозунги (например, «коммунизм»).

Источниковая база большинства статей *Словаря* состоит из двуязычных и толковых словарей, энциклопедий, законодательных актов, разного рода репрезентативных текстов из релевантных для политики областей (философии, экономики, конституционного права и теологии), а также — в меньшей степени — из статей в периодических изданиях, памфлетов и эго-документов¹⁰. Можно заметить, что эти

⁸ См. в настоящем сборнике: Козеллек Р. Введение. С. 23.

⁹ Бедекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Ред. Х. Э. Бедекер. М., 2010. С. 44. (Пер. с нем.: Bödeker H. E. (Hrsg.) Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. Göttingen, 2002).

¹⁰ Koselleck R. Richtlinien für das Lexikon politisch-sozialer Begriffe der Neuzeit // Archiv für Begriffsgeschichte. 1967. Bd. 11. S. 81–99, здесь S. 81–82. Изначально планировалось дополнить этот список текстами, относящимися к повседневности, однако это удалось сделать лишь в нескольких статьях, причем позднее сделанное дополнение подверглось резкой критике. Об этом см.: Бедекер Х. Э. Размышления. С. 39–40. С учетом этой критики разработана концепция справочника по основным социально-историческим понятиям: Reichardt R., Schmidt E., Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680–1820. München, 1985–2000. 20 Bde.

статьи сильно отличаются как по объему, так и по исследовательским подходам: участники проекта далеко не всегда последовательно руководствовались идеями его разработчика. Однако главные, такие как «общество», «история», «демократия», «современность», «революция», «народ», «нация», «политика», «гражданин» (некоторые из них написаны самим Козеллеком), в полной мере выразили суть начального замысла, обозначив «прорыв» в новую область социально-гуманитарного знания. Помимо этого, *Словарь* оказался ценнейшим справочным пособием для немецких гуманитариев — историков, политологов, языковедов и его появление стимулировало установление диалога между лингвистами и историками, результатом которого стало рождение новых междисциплинарных направлений исследований.

Основные понятия как индикаторы и движущие силы исторических процессов. В статьях словаря понятия выступают не только как объекты семантического анализа, но и как индикаторы «само- и миропонимания прошедших эпох, как они выражали себя в употреблении понятий»¹¹. При этом сами понятия предстают, с одной стороны, как слова с закрепленными значениями, а с другой — как абстрактные концепты, в которых аккумулируются многочисленные значения того или иного слова и связанные с ними представления¹². Рассматриваемые как элементы широкого семантического — и, шире, языкового — поля, они всегда многозначны и потому выступают как комплексы, объединяющие в себе разные смыслы. Именно к этим комплексам, согласно концепции словаря, обращаются люди, используя те или иные слова-понятия в коммуникативных актах¹³. «История понятий, — отмечал в этой связи Р. Козеллек, — выступает посредником между историей языка и фактической историей. Она задается, с одной стороны, вопросом о том, какой опыт и какие фактические обстоятельства облакаются в то или иное понятие, а с другой — как этот опыт или эти обстоятельства понимаются людьми»¹⁴.

Трансформация понятий рассматривается в словаре исторически («в продольном сечении») и в контекстах тех реалий, которые они призваны отражать. Такая перспектива была избрана для того, чтобы через описание изменений содержания понятий отразить и объяснить изменения восприятия реальности (особенно социально-политиче-

¹¹ Бедекер Х. Э. Размышления. С. 56.

¹² См. в настоящем сборнике: Козеллек Р. Введение. С. 23.

¹³ Бедекер Х. Э. Размышления. С. 43.

¹⁴ Koselleck R. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt a.M., 2006. S. 67.

ской). Образование и трансформация понятий, будучи одновременно индикатором и фактором исторического развития, имеет, таким образом, два аспекта. Во-первых, они указывают на социальные феномены и их изменения, являясь их индикаторами. Во-вторых, они сами, будучи важнейшими элементами познания, являются факторами изменения общественного сознания¹⁵. Совмещение диахронного подхода, прослеживающего трансформацию смыслов с течением времени и устанавливающего соответствия между значениями слов и меняющимися контекстами, и синхронного позволяет создать «многослойную» историю понятий и их употребления.

Характерные признаки понятий Нового времени. Важно добавить, что в статьях словаря не только была разработана и реализована методология изучения возникновения и трансформации наиболее распространенных понятий современной социальной истории, но и была нарисована картина становления европейской модерности. Как подчеркивал в этой связи Козеллек, главная задача проекта «стоит в том, чтобы рассмотреть процесс исчезновения старого мира и возникновение современного через призму истории его осмысления в категориях определенных понятий»¹⁶. Он исходил из того, что любое понятие обладает временной внутренней структурой: «В зависимости от того, какой объем прежнего опыта аккумулировался в понятии, и в зависимости от того, сколько новых ожиданий в него вложено, оно имеет четко различимые темпоральные валентности»¹⁷. Понятия, таким образом, могут как накапливать в себе много смысловых пластов, так и предвосхищать будущую действительность. В этой связи Козеллеком было сделано важное наблюдение: «В Новое время, — писал он, — разница между опытом и ожиданием становится все больше, точнее — что Новое время можно осознать как новое только после того, как ожидания все больше и больше удаляются от всякого прежнего опыта». Чтобы подчеркнуть эту особенность

¹⁵ В своих позднейших работах Козеллек говорит об «упорядочивающей силе» понятий и видит задачу их исторического анализа в том, чтобы вскрыть семантическую структуру, иерархизирующую понятийные поля, выявляя понятия высшего и низшего уровней, а также ряды антонимов — *Koselleck R. Begriffsgeschichten*. S. 531–532; *Копосов Н. Е. История понятий*. С. 9–32; *Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XV–XX века: Сб. научных работ*. СПб., 2010. С. 33–53.

¹⁶ См. в настоящем сборнике: *Козеллек Р. Введение*. С. 23.

¹⁷ *Koselleck R. Begriffsgeschichte // Jordan St. (Hrsg.) Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe*, Stuttgart, 2002. S. 40–44, здесь S. 42.

мыслительной перспективы людей изучаемой эпохи, Козеллек ввел понятия «пространство опыта» и «горизонт ожидания»¹⁸.

Определяя основные направления трансформаций смыслов после наступления «времени водораздела», он назвал четыре: *демократизацию, темпорализацию, идеологизацию и политизацию*¹⁹. *Демократизация* в данном случае означает, что понятия, сначала известные только образованным людям, получили распространение и в других социальных слоях. Этот процесс был непосредственно связан с развитием журнального и книжного рынка и повышением грамотности населения. В результате, например, «честь» или «достоинство» уже стало невозможно однозначно связать с каким-то одним сословием. *Темпорализация* понимается Козеллеком как привязывание категориальных смыслов ко времени. Это означает, с одной стороны, что элементы прежних смыслов в какой-то момент могут снова актуализироваться, с другой — что они могут нагружаться моментами ожидания, направленными в будущее (например, понятия с суффиксом «-изм» — патриотизм, коммунизм и т. п., которые во время их создания еще не несли в себе груза опыта). Кроме того, помимо этих понятий, «создающих опыт», в Новое время появляются такие, которые артикулируют историческое время: «развитие», «прогресс», «история». *Идеологизируемость* связывается с возрастанием степени абстрактности понятий: их связь с означаемым становится труднее установить, пропадает их определенность. Вместо сословных «свобод» (или «вольностей») возникает одна «свобода». Употреблявшиеся сначала во множественном числе существительные превращаются в собирательные слова единственного числа: например, многочисленные конкретные «истории» превращаются в одну «историю», вместо отдельных «успехов» в конкретных делах возникает «прогресс». *Политизация* означает, что понятия применяются по-разному в зависимости от интересов говорящих, вплоть до полной противоположности. Они используются в зависимости от интересов в политической, экономической или социальной борьбе за власть и распределение благ, все большее число людей становится их пользователями и адресатами, возникают слова-лозунги.

Дальнейшее развитие истории понятий как направления исследований. Не вызывает сомнений, что и сегодня, спустя сорок лет после

¹⁸ Koselleck R. «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» — zwei historische Kategorien // Idem. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt a.M., 1979. S. 359.

¹⁹ См.: Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. Предисловие. С. 12–13.

выхода первого тома *Словаря*, этот труд остается отправной точкой и важнейшим ориентиром в работе ученых во всем мире²⁰. Его продолжением и развитием стал двадцатитомный *Справочник по основным общественно-политическим понятиям во Франции 1680–1820 годов*, в котором реализован проект анализа социально-исторической семантики с включением повседневных текстов и серийных источников²¹. Опубликованы также многотомные издания, анализирующие базовые понятия в эстетике и философии: *Основные эстетические понятия. Исторический словарь по философии*²². В настоящее время в Берлинском центре исследований литературы и культуры готовится к изданию *Исторический словарь междисциплинарных понятий*²³.

Новый поворот в изучении истории понятий связан с пристальным вниманием к интернациональному характеру процессов их формирования и развития. Вышли сравнительные исследования семантики слова «гражданин», его эволюции в Германии, Франции и Англии, переплетения этих процессов и их взаимному влиянию, т. е. перевода и переноса содержания понятий из одного языка в другой²⁴. В настоящее время обсуждается идея создания европейского словаря основных социально-политических понятий²⁵, разрабатываются транснациональные перспективы изучения исторической семантики²⁶. Еще одна захватывающая исследовательская перспектива — создание

²⁰ *Нынешнее состояние исследований по истории понятий отражено в Contributions to the History of Concepts. Vol. 7. No. 2. Winter 2012; Kollmeier K. Begriffsgeschichte und Historische Semantik, Version: 2.0 // http://docupedia.de/zg/Begriffsgeschichte_und_Historische_Semantik_Version_2.0_Kathrin_Kollmeier [последнее посещение 24.6.2013].*

²¹ *Reichardt R., Schmidt E., Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich.*

²² *Barck K., Fontius M., Schlenstedt D. u.a. (Hrsg.) Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in 7 Bänden. Stuttgart, 2000–2005; Ritter J., Gründer K. (Hrsg.) Historisches Wörterbuch der Philosophie. 13 Bde. Basel, Darmstadt, 1971–2007.*

²³ *Historisches Wörterbuch interdisziplinärer Begriffe am Zentrum für Literatur- und Kulturforschung Berlin // <http://www.begriffsgeschichte.de/doku.php> [последнее посещение 24.6.2013].*

²⁴ *Koselleck R., Spree U., Steinmetz W. Drei bürgerliche Welten? Zur vergleichenden Semantik der bürgerlichen Gesellschaft in Deutschland, England und Frankreich // Puhle H.-J. (Hrsg.) Bürger in der Gesellschaft der Neuzeit. Wirtschaft–Politik–Kultur. Göttingen, 1991. S. 14–58.*

²⁵ *Hölscher L. The Theory and Method of German «Begriffsgeschichte» and its impacts on the construction of an European political lexicon // History of Concepts Newsletter. No. 6. Spring 2003. P. 3–7.*

²⁶ *Kollmeier K. Begriffsgeschichte und Historische Semantik. S. 8–9.*

истории основных понятий XX века: сегодня вокруг его концепции ведутся оживленные научные дискуссии²⁷.

Ингрид Ширле

Слово переводчика

Как бы ни были благоприятны условия для работы над переводом статей *Словаря*, в содержательной ее части все равно пришлось сталкиваться лицом к лицу с проблемами, которые не решишь ни прекрасной ее организацией, ни щедрым финансированием, ни помощью коллег. Я скажу о тех из них, которые наиболее очевидны и безнадежны — и одновременно принципиальны для этого переводческого проекта. Поскольку я выступаю в данном случае переводчиком, то есть практическим исполнителем, надеюсь, мне простится изрядная доля методологической и теоретической наивности.

Итак, мы отобрали введение и девять статей, которые посвящены понятиям «бюргер/гражданин/бюргерство/буржуазия», «история», «гражданское общество», «общность и общество», «общественность/публичная сфера», «новейшее время/современность/модерность», «политика», «революция», «народ/нация/масса». Уже сейчас, когда я перечисляю эти понятия, давая для каждого несколько слов через косую черту, становится понятно, о чем пойдет речь: о множественности и уникальности значений, об их переводимости и непереводимости. Статьи в многотомнике *Geschichtliche Grundbegriffe* рассказывают о том, как менялось значение слов в немецком, а также в латинском, французском и некоторых других европейских языках. Моя задача как переводчика состояла в том, чтобы передать изменение этих значений средствами русского языка.

Едва ли стоит подробно останавливаться на том, что процессы эволюции понятий и вообще семантики слов в каждом языке идут своими

²⁷ Ср.: Kollmeier K., Hoffmann St.-L. Debatte: Zeitgeschichte der Begriffe? Perspektiven einer Historischen Semantik des 20. Jahrhunderts // <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Kollmeier-Hoffmann-1-2010> [последнее посещение 24.6.2013]; Nolte P. Vom Fortschreiben und Umschreiben der Begriffe. Kommentar zu Christian Geulen // <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Nolte-1-2010> [последнее посещение 24.6.2013]; Wobbe Th. Für eine Historische Semantik des 19. und 20. Jahrhunderts. Kommentar zu Christian Geulen // <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Wobbe-1-2010> [последнее посещение 24.6.2013]; Roundtable Discussion: *Geschichtliche Grundbegriffe Reloaded? Writing the Conceptual History of the Twentieth Century* // *Contributions to the History of Concepts*. 2012. Vol. 7. P. 78–128.

путями и своими темпами. Достаточно сказать о результате: часто бывает трудно подыскать перевод для слова, так сказать, в статике (примером может служить слово *Öffentlichkeit*: нет одного русского слова, покрывающего все его значения или даже хотя бы только нынешние). А подыскивать один или несколько переводов, когда мы имеем дело с динамикой значений понятия, — задача, как выяснилось, очень трудная, поскольку семантические поля слов в русском и немецком не совпадают ни в синхронии, ни в диахронии, и очень часто русское слово несет с собой множество таких коннотаций, которые оказываются совершенно не к месту. Отсечь же их можно было бы только с помощью очень обширного аппарата примечаний, который мы не можем добавлять в статьи из-за необходимости сохранения авторских прав, а также по причине того, что это потребовало бы самостоятельного большого исследования — анализа семантики основных русских исторических понятий (в принципе было бы, наверное, хорошо каждую статью сопроводить хотя бы краткой статьей об эволюции соответствующих понятий в русском языке).

В общем, это не сравнительно-историко-лингвистическое исследование, сопоставляющее динамику изменения понятий в латинском, французском, немецком и русском языках, но сделанные, так сказать, в рабочем порядке выводы по возможным итогам подобного исследования. Где-то лингвисты, терминоведы, лексикологи смогут упрекнуть нас в том, что мы изобретаем велосипед или, наоборот, пытаемся изобрести вечный двигатель. С сожалением признаем недостаток междисциплинарности в нашей работе и в оправдание можем сослаться лишь на то, что и немецкие статьи написаны историками без участия лингвистов — мы просто придерживаемся дисциплинарной принадлежности нашего оригинала.

Но все же наше положение отлично от положения авторов статей именно в силу того обстоятельства, что наш проект носит сугубо переводческий, а не исследовательский характер. И получается парадоксальная ситуация: перевод исследования часто удваивает количество терминологических проблем, которые нужно было бы решить или хотя бы рассмотреть, чтобы текст получился осмысленным и полезным для читателя. Порой мне кажется, что в каком-то смысле полный и адекватный перевод такого текста вообще невозможен. Приведу несколько примеров: когда немецкоязычный автор рассматривает историю понятия *Bürger* и пишет, что в те или иные периоды оно было синонимом греческого *πολίτης*, лат. *civis* и фр. *bourgeois* и *citoyen*, то простой перевод всех частей фразы на русский приведет к тавтологии: вроде «слово «гражданин» значило в немецком то же, что «гражданин» в греческом, «гражданин» в латыни и «гражданин» и «гражданин» во французском».

Очевидно, что подобный перевод обедняет авторскую мысль и сильно снижает полезность книги. Мы оставляем слова на греческом, латинском, французском языках без перевода, как и в оригинале, но это порождает свою проблему, о которой я скажу чуть позже.

Или другой пример: что делать, когда автор проводит различие между прилагательными *geschichtlich* и *historisch*: подобная пара отсутствует в других языках, в том числе и в русском. Переводить «исторический» и «исторический»? Переводчик то и дело оказывается перед необходимостью либо изобретать неологизмы, либо оставлять часть текста непереуведенным, оставляя в нем немецкие слова и даже словосочетания. Оба пути представляются проблематичными.

Первый путь — изобретение неологизмов и близкие к нему варианты — такие, как «притягивание» синонимов и назначение им фиксированной привязки к тому или иному переводимому слову, например: «мещанин», «горожанин», «обыватель», «гражданин». Такой путь часто используется, но в гуманитарной сфере представляется неудачным в силу своей искусственности, ибо он не соответствует (полностью или хотя бы в значительной мере) употреблению слов в реальном языке, обрекая тем самым переведенный текст на изолированное существование. Он ведет к тому, что большое число неологизмов или слов с искусственно закрепленными за ними значениями имеет мало шансов на быстрое и глубокое осмысление читательской аудиторией, а также затрудняет установление смысловых связей переводного текста с прочей научной литературой на языке перевода.

Второй путь — оставление труднопереводимых слов непереуведенными — вызывает мало возражений, например, в Германии, где читатели литературы по истории понятий — это в большинстве своем выпускники гимназий, изучавшие два древних плюс два-три новых иностранных языка. Поскольку в нашей стране такой языковой подготовки не имеют даже выпускники большинства вузов, для основной массы российских читателей польза этого пути будет невелика: они будут видеть в непереуведенных словах нечто вроде иероглифов и запоминать их чисто зрительно²⁸.

В итоге, поскольку ничего более удачного пока не было изобретено, работа по переводу *Geschichtliche Grundbegriffe* велась путем сочетания

²⁸ Не будучи в состоянии, например, понять разницу между смыслами *Bürger/Burger* и другими парами, состоящими из слов, которые невозможно по-разному перевести на русский (и которые к тому же многие даже не могут правильно произнести вслух).

этих двух путей. Мы признаём, что это решение, которое фактически применяю я как переводчик и с минимальными модификациями сохраняет редактор перевода, доктор исторических наук Юлия Евгеньевна Арнаутова, отражает прежде всего наш с ней образовательный бэкграунд: мы действуем так не потому, что это оптимально для читательского восприятия, а потому, что мы получили хорошую языковую подготовку на истфаке МГУ и много читаем и переводим иноязычной, прежде всего германской научной литературы. Поэтому, ради нашего удобства, схожий бэкграунд мы представляем и у нашего потенциального читателя. Похоже, что в результате получился такой междусобойчик объемом в тысячу страниц, рассчитанный на полное и адекватное восприятие читательской аудиторией всего в тысячу-другую человек.

Но оправданны ли в таком случае большие затраты денег, времени и труда на подготовку этого издания? Я считаю, что да. Оснований так говорить у меня два. Их я выражу формулировками, заимствованными у Марка Блока: во-первых, «нет лучшей похвалы для писателя, чем признание, что он умеет говорить одинаково с учеными и со школьниками. Однако такая высокая простота — привилегия немногих избранных»²⁹. Мы скромно признаём, что мы к этим немногим избранным не принадлежим, поэтому наш проект — элитарный. Во-вторых, «если даже считать, что история (в нашем случае — история понятий в переводе с немецкого. — К. Л.) ни на что иное не пригодна, следовало бы все же сказать в ее защиту, что она увлекательна»³⁰. Мне лично весьма увлекательно было узнать о том, что, например, словосочетание «гражданское общество» в разные эпохи означало прямо противоположные вещи или что словом «история» кто-то называл прошлое, а кто-то — будущее, кто-то — только правду, а кто-то — вымыслы. История понятий полна приключений, и мы надеемся, что девять таких приключенческих историй станут увлекательным чтением для тех, кто не побоится обилия непереуевенных или странно переведенных слов. И удвоенные за счет перевода проблемы, возможно, вдохновят кого-то из российских читателей на размышления о том, какие трансформации и приключения пережили на своем веку те или иные понятия русского языка, которыми историки пользуются, веря в постоянство их значений. Если это произойдет, значит, вся наша затея окажется не напрасной.

Кирилл Левинсон

²⁹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 7.

³⁰ Там же. С. 8.

«Основные исторические понятия» для российской историографии

В заключение несколько соображений о связи этого издания с сегодняшней историографической ситуацией в России, прежде всего с изучением истории понятий, но не только. Инициаторы проекта считали крайне необходимым ввести в русскоязычный научный оборот вошедшие в *Словарь* образцовые исследования немецких коллег, которые, с одной стороны, акцентируют внимание на истории понятий, с другой — содержат тщательный, глубоко фундированный и методологически выверенный исторический анализ тех из них, которые сегодня широко используются в социально-гуманитарных науках.

История понятий в России сегодня — это новое и быстро развивающееся направление историографии. Одной из первых публикаций, представлявших российскому читателю эту область исследований, стала статья Н. Е. Копосова 1998 года «Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий». В последующие годы значимыми событиями в ее углубленном осмыслении и освоении стал выход сборников *Понятие государства на четырех языках* и *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков*, переводов работ немецких авторов *Res publica: История понятия* и, наконец, недавно изданного двухтомного труда *Понятия о России*, подготовленного международным коллективом исследователей в рамках совместного проекта *Studia Europaea* Германского исторического института в Москве и издательства «Новое литературное обозрение»³¹. В последнее время истории понятий было также посвящено несколько крупных международных научных форумов в Европейском университете в Санкт-Петербурге, Российском государственном гуманитарном университете, Институте всеобщей истории РАН, Германском историческом институте в Москве. Не вызывает сомнений, что настоящая публикация переводов избранных статей выдающегося труда, ставшего главной отправной точкой в изучении истории понятий, окажет существенное влияние на ее развитие в России. Но дело не только в этом. Нам казалось, что статьи *Словаря*, ставшего знако-

³¹ Копосов Н. Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. С. 31–39; Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. № 5; *Res Publica: История понятия* / Ред. О. В. Хархордин. СПб., 2009; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Ред. А. И. Миллер, Д. А. Сдвижков, И. Ширле.

вым событием в мировом социально-гуманитарном знании, предложившего убедительную картину становления европейской модерности и доказавшего эффективность примененной в нем новой методологии, будут востребованы в современной России — социальными историками, историками философии, языка, культуры.

Важность настоящего издания виделась, однако, не только в содержащихся в его статьях теоретических новациях, но и, так сказать, в их «практическом использовании». Задумывая этот переводческий проект, его инициаторы считали, что он жизненно необходим и для российских историков-практиков, чьи повседневные занятия не связаны ни с теорией исторического знания, ни с исторической семантикой, ни даже с социальной историей.

Во-первых, нам казалось важным, что *Словарь* показывает изменчивость семантики хорошо известных понятий, таких как «общество», «народ», «гражданин», «революция» и других. Прежде всего потому, что безусловное доминирование в нашей историографии на протяжении десятилетий марксистско-позитивистских подходов молчаливо признавало, что слова, которыми пользуются историки для описания реалий прошлого, накрепко и навсегда к этим реалиям привязаны. И такого рода связь между «словами» и «вещами» продолжает сегодня восприниматься многими историками как самоочевидная и потому не требующая семантической рефлексии. В лучшем случае ее потребность возникает при изменении политической ситуации, когда появляется необходимость осмыслить применимость того или иного «общеизвестного» понятия в отношении того или иного «общеизвестного» события прошлого. Вспомним хотя бы недавние споры о том, как называть произошедшее в Петрограде в октябре 1917 года: «революцией» или «переворотом»?

Во-вторых, публикация статей *Словаря* представлялась нам важной в связи с явным дисбалансом, наблюдаемым в потоке переводов исторической литературы на русский язык в последние десятилетия. В силу целого ряда обстоятельств подавляющее их большинство принадлежит французским авторам школы «Анналов» (речь идет в первую очередь о работах, предлагающих новые исторические сюжеты и новые исследовательские перспективы). Многие важные немецкие, британские и американские исследования, а также иные историографические направления в этом потоке оказались вытесненными на далекую периферию или даже вовсе забытыми. В итоге в сознании целого поколения российских историков сложились искаженные и упрощенные представления о характере развития исторического знания в XX веке. Очень

хотелось бы осторожно надеяться, что появление *Основных исторических понятий* на русском языке сможет хотя бы немного повлиять на изменение этой ситуации, тем самым способствуя более полноценной интеграции российской историографии в современную мировую.

Правда, не обошлось и без разного рода сомнений. Прежде всего, относительно запоздалости перевода. Было очевидно, что исследование, начатое на рубеже 1960/70-х годов, едва ли можно отнести к «последнему слову» в истории понятий: за сорок лет это направление, как отметила выше Ингрид Ширле, обогатилось и новыми конкретными работами, и новыми теоретико-методологическими подходами. Потом, у Козеллека речь идет об истории понятий в немецкоязычном ареале (напомню, что полное название восьмитомника: *Основные исторические понятия. Исторический словарь социально-политического языка в Германии*). В какой мере *Словарь*, основанный на иностранных реалиях релевантен российской ситуации? Наконец, это трудности перевода, о которых выше говорил Кирилл Левинсон: в словаре часто речь идет о специфических немецких терминах, существующих только в немецком языке, тесно связанных с немецкими реалиями, а потому труднопереложимых на другие (русский тут, конечно, не является исключением). Можно ли их благополучно преодолеть?

В конечном счете все же взяла верх убежденность в том, что этот проект важен и, главное, нужен. Помимо сказанного еще и потому, что *Словарь*, безусловно, является существенной составной частью тех значительных перемен, которые произошли в социально-гуманитарном знании в последние десятилетия прошлого века. Нетрудно заметить, что многие теоретические подходы, реализованные в его статьях, непосредственно перекликаются с новациями Мишеля Фуко, Ролана Барта, Жака Деррида, в значительной мере эти перемены инициировавших. Своим «немецким» путем Козеллек пришел к выводам, схожим с теми, которые обосновывали его французские коллеги: к признанию Просвещения рубежом, обозначающим начало модерности, значимости лингвистики и семантики для историка, важнейшей роли читателя в создании смыслов текста. В некоторых случаях параллели кажутся просто удивительными. Например, связь концепции *Словаря*, сформулированной Козеллеком (см. выше), с проектом критической «истории настоящего» Фуко и использованием французским философом (историком?) «генеалогического метода»³².

³² «Я отталкиваюсь от проблемы, которая выражена в принятых сегодня терминах, и пытаюсь составить ее генеалогию. Генеалогия означает, что я начинаю

Но, наверное, самое важное — это то, что *Словарь* оказал огромное влияние на мировую историографию. Хейден Уайт в предисловии к одному из сборников работ Козеллека на английском языке называет его «одним из самых значительных теоретиков истории и историографии последних пятидесяти лет»³³, особо подчеркивая важнейшую роль, которую сыграли его идеи для начала диалога между историками и лингвистами.

И еще несколько соображений в заключение. В одной из своих последних публичных лекций Поль Рикер обозначил изменения, произошедшие в историческом знании во второй половине XX века емкой формулой: «Историю событий сменила история интерпретаций»³⁴. Трудно сказать точно, что имел в виду философ, но одно в связи с этим высказыванием представляется достаточно очевидным: сам предмет исторического знания теперь все чаще стал рассматриваться историками по-иному. Он перестал видаться им исключительно как неподвижная действительность, сотканная из незыблемых исторических фактов. Теперь этот предмет стал выступать как концептуализация мира людьми прошлого и как изменения этой концептуализации во времени и пространстве. По-видимому, один из самых наглядных примеров произошедшего сдвига — «история ментальности» «школы «Анналов»». Однако смысл словосочетания «история интерпретаций», скорее всего, значительно шире, и он вбирает в себя и другие историографические направления, в том числе близкие к истории понятий. В последние десятилетия прошлого века для историков стало как никогда раньше очевидно, что большинство представлений и понятий, которыми оперируют гуманитарные науки, сложилось в эпистемологической ситуации Нового времени. И именно потому внимание некоторых из них сконцентрировалось на выяснении того, каким образом возникают, живут и умирают эти представления и понятия. Такого рода историзация, считают эти историки, позволяет как по-новому взглянуть на прошлое, так и более критично подойти к самому процессу производства исторического знания.

Если вернуться к труду Козеллека, то станет очевидным, что многие идеи и методологические подходы *Основных исторических понятий*

свое рассмотрение с вопроса, поставленного в настоящем» — Foucault M. *Politics, Philosophy, Culture*. London, 1988. P. 262.

³³ White H. Foreword // Koselleck R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts* / Trans. by T. Presner et al. Stanford (Calif.), 2002. P. IX.

³⁴ Лекция «История, память, забывание» в Центрально-Европейском университете (Будапешт) 8 марта 2003 года.

удивительно близки такого рода «истории интерпретаций». Станет также очевидной актуальность этих идей и подходов для сегодняшней российской историографической ситуации. В частности, для признания историками того, что необходимой составляющей критического сознания является понимание наличия разрыва между событиями прошлого и языком, которым они описываются; для уяснения того, что всякое историческое повествование — это языковая ре/конструкция, а не само прошлое просто «переведенное» на современный язык; что современные представления об историческом развитии и историческом знании родились из новых представлений, возникших в эпоху Просвещения; что историография — это также и эволюция языка историков; что историческое знание точно так же меняется, как и все объекты прошлого, которые оно исследует; наконец, что наши представления о прошлом всегда условны и открыты пересмотру.

Инициаторы издания этого двухтомника, конечно, не ожидают, что он произведет немедленный тектонический сдвиг в российской исторической науке. Появление еще одной книги, даже самой революционной по своему теоретическому содержанию, вряд ли способно радикально повлиять на сложный процесс производства исторического знания, глубоко укорененный в социальной действительности. Однако есть надежда, что этот перевод — вместе с десятками других — способен привлечь внимание российских историков к непростым теоретическим вопросам исторической науки и тем самым хотя бы в небольшой степени способствовать ее желанному обновлению у нас в стране.

Юрий Зарецкий

* * *

Эта работа не могла быть завершена без мощной и разнообразной помощи со стороны сотрудников и стажеров Германского исторического института в Москве, а также его руководства: бывшего директора проф. д-ра Бернда Бонвеча, с самого начала поддержавшего идею проекта и нынешнего директора проф. д-ра Николауса Катцера, неизменно оказывавшего поддержку в ходе его осуществления. Она не состоялась бы и без заинтересованного участия вдумчивого редактора немецкого перевода Юлии Арнаутовой (Институт всеобщей истории РАН). Мы признательны также тем, кто участвовал в научно-справочной работе: Елене Казбековой, Людмиле Орловой-Гимон, Владимиру Рыбакову (Институт всеобщей истории РАН), Моник Манжос (Уни-

верситет им. Генриха Гейне, Дюссельдорф), Владимиру Селиверстову (НИУ Высшая школа экономики), Наталье Сироткиной (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Благодаря их усилиям научный аппарат и комментарии авторов статей в русском издании сохранены с максимально возможной полнотой и точностью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юрий Зарецкий, Кирилл Левинсон, Ингрид Ширле. Предисловие</i>	5
<i>Райнхарт Козеллек. Введение (Einleitung)</i>	23
<i>Хорст Гюнтер, Райнхарт Козеллек, Кристиан Майер, Одило Энгельс. История (Geschichte, Historie) .....</i>	45
<i>Ханс Ульрих Гумбрехт. Современный, Современность (Modern, Modernität, Moderne).....</i>	241
<i>Луциан Хёльшер. Публичность / гласность / публичная сфера / общественность (Öffentlichkeit).....</i>	297
<i>Фолькер Зеллин. Политика (Politik) .....</i>	389
<i>Найтхард Бульст, Райнхарт Козеллек, Кристиан Майер, Йорг Фиш. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg).....</i>	520
<i>Список принятых сокращений .....</i>	729